

УДК 130.2

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.52.154>

Метафизика пограничных пространств: Большой Соловецкий остров в письмах отца Павла Флоренского (1934–1937 гг.)

М. В. Куликов*

Кузбасский институт ФСИН России г. Новокузнецк, Российская Федерация

Аннотация. Вопрос пространственно-временной организации бытия – один из центральных в творчестве о. Павла Флоренского – рассматривается в отношении к пограничным пространствам, конкретнее – пространству Большого Соловецкого острова. Отмечается, что глубоко личные переживания Флоренского к родным и близким в соотношении с его общетеоретическими взглядами дают нам возможность трактовать остров как особого рода микро- и макрокосмос, границу встречи разнородных пространств, особое семиотическое место забвения, в котором мыслитель подводил итоги своих размышлений и всей своей жизни. Изучается идея о. Павла о символическом совпадении начала и конца жизненного пути, придающем жизни полноту и завершенность. Отдельно осмыслена тема границы и существования острова как лиминального пространства между землей и морем, бытием и небытием, природой и экзистенцией. Остров представлен как микрокосмос – отдельный мир с присущим ему своеобразием, и макрокосмос – мировой центр, ойкумена, обитель, пространство смыслов среди безграничного океана хаоса. Рассмотрена темпоральная организация острова: о. Павел переживает выпадение из общего потока времени, его монотонность, цикличность, а в связи с этим бессодержательность своих занятий. Сделан вывод, что подобного рода переживание извращения жизненных смыслов возводит ситуацию до уровня трагедии, в связи с чем констатируется, что пространственная разделенность острова материализует и внутренний разлад, подтверждая древнее, столь важное для Флоренского знание о целокупности мира и человека, их взаимном отражении друг в друге, их параллелизме.

Ключевые слова: Павел Флоренский, Большой Соловецкий остров, лиминальные пространства, граница, хронотоп, микрокосмос, макрокосмос, всеединство.

Для цитирования: Куликов М. В. Метафизика пограничных пространств: Большой Соловецкий остров в письмах отца Павла Флоренского (1934–1937 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2025. Т. 52. С. 154–163. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.52.154>

Metaphisic of Boundary Spaces: The Bolshoi Solovetsky Island in the Letters of Father Pavel Florensky (1934–1937)

M. V. Kulikov*

Kuzbass institute of the Federal penal service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation

Abstract. The article considers the issue of the spatiotemporal organization of being as one of the central ones in the work of Fr. Pavel Florensky in relation to the border spaces, more specifically, the space of the Bolshoi Solovetsky Island. The author's deeply personal experiences in letters to his relatives and friends in regard to his general theoretical views give us the opportunity to interpret the island as a special kind of micro and macrocosm, as the boundary of confluence of heterogeneous spaces, as a special semiotic place of oblivion, in which the thinker summed up his reflections and his whole life. Father Pavel states that the end of his life's journey coincides with the beginning, but in a caricatured, perverted form. The theme of the border and the existence of the island as a boundary space between land and sea, being and non-being, nature and existence are reviewed separately. The island is seen as a microcosm – a separate world with its inherent originality, and macrocosm – as a world center, ecumene, abode, and a space of meanings in the midst of a boundless ocean of chaos. The temporal organization of the island, in which the author experiences falling out of the general flow of time, its monotony, cyclicity, and, in connection with this, the emptiness of his studies is considered. This kind of experience of the perversion of life's meanings raises the situation to the level of tragedy, in connection with which it can be stated that the spatial separation of the island also materializes internal discord, confirming the ancient, so important for Florensky knowledge about the unity of the world and man, mutual reflection in each other, their parallelism.

Keywords: Pavel Florensky, the Bolshoi Solovetsky Island, liminal spaces, boundary, chronotopos, microcosm, macrocosm, unity.

For citation: Kulikov M.V. Metaphisic of Boundary Spaces: the Bolshoi Solovetsky Island in the Letters of Father Pavel Florensky (1934–1937). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2025, vol. 52, pp. 154–163. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.52.154> (in Russian)

Тема хронотопа, пространственно-временной организации бытия, является одной из центральных в творчестве о. Павла Флоренского: «Вопрос о пространстве есть один из первоосновных в искусстве и, <...> в миропонимании вообще¹» [3, с. 102]. Во многом его подход к этой проблеме созвучен с общим для эпохи пересмотром мировоззренческой оптики: если «Декартов» взгляд на мир утверждает превосходство мира идеальных сущностей и понимает пространство как *непрерывное*, однородное, изотропное, то «Гете-Фарадеевская» физика наглядного образа возвращает нас в мир чувственности, осязаемости, конкретности, реальности, телесной организации, в мир *прерывности*, где субъект обнаруживает иерархию, разрывы, лакуны, складки пространства и времени. Ноуменальное воплощается в чувственные формы не как нечто однородное, но как целое, обладающее своими границами, своими характеристиками. Пространственное ощущение мира как его наполненности, непустотности составляет важнейшую догадку о. Павла, личный духовный опыт которого становится той отправной точкой, где сопрягаются видимый и невидимый миры: «В нас самих покров зримого мгновениями разрывается, и сквозь его, еще сознаваемого, разрыва веет незримое, нез-

¹ Орфография и пунктуация автора [П. А. Флоренского] сохранены.

дешнее дуновение» [Там же, с. 419]. Тема пространства художественного образа рассматривается Флоренским, прежде всего, в таких работах, как «Иконостас», «Обратная перспектива», «Анализ пространственности (и времени) в художественно-изобразительных произведениях»; трактовка мифопоэтического античного и средневекового пространства с позиции аналитической геометрии представлена им в работе «Мнимости в геометрии». Вместе с тем Флоренский интуитивно понимал и полагал возможным подойти к этому вопросу шире, а именно рассмотреть миропонимание в целом как пространствопонимание. В центре такого подхода должен находиться человек: если понимать пространство через восприятия, а восприятие через биологию, то задачей исследователя, по его мнению, становится объяснение биологического из организации пространства как той среды, в которой они существуют. Этот замысел имеет для Флоренского и экзистенциальное значение. Он пишет: «Вероятно в связи со старостью меня все более охватывает желание дать себе точный отчет в целостной картине мира, не схему и теории, а конкретную сводку того, что мы действительно и опытно знаем о мире. Это естественное желание подвести итоги своим знаниям и резюмировать их. Раньше все казалось слишком несовершенным и требующим дальнейшего изучения. Теперь же, когда слабее мысль, особенно [неразб.] хочется установить положительные [неразб.] опыта, не дожидаясь доработки, которой конца не видно и которая все равно не будет доведена далее даже до относительной степени полноты. Будущее будущим, а все-таки надо себе сказать, что же есть в настоящем» [4, с. 479].

С подведением итогов своей жизни связан последний этап жизни мыслителя. В 1933 г. Флоренский был арестован, осужден и выслан для отбывания наказания в пос. Сковордино Дальневосточного края, где работал на опытной мерзлотной станции, а затем в одно из отделений Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря, расположенного на Большом Соловецком острове, где трудился на водорослевом заводе. Письма, отправленные им из ссылки в 1934–1937 гг., адресованы матери, жене и пятерым детям, воплощают в себе общий замысел. Собранные воедино, они, подобно литературному произведению, раскрываются композиционно через завязку сюжета, его медленное развитие вплоть до трагичного финала и содержат в себе важнейшие сведения о духовных исканиях человека, заброшенного в отчужденное пространство лагеря. Целью настоящей статьи стала попытка хоть в некоторой мере прикоснуться к тому, «что же есть в настоящем» для Флоренского, а именно попытаться осмыслить пространство острова, даже конкретнее – Большого Соловецкого острова, который стал финальной точкой земного пути о. Павла, как особого рода хронотоп пограничного, в котором некоторые теоретические соображения автора и его живой опыт оказались в значительной мере сопряженными. Это дает нам возможность рассмотрения острова как особого рода микро- и макрокосмоса, как пространство особого, лиминального рода, как *границу*, на которой встречаются мир земной и мир горний, что, по нашему мнению, продолжает его интуиции относительно художественных или геометрических пространств, в которых

протекает земная жизнь человека. В конце концов это дает нам возможность рассмотреть остров как особое семиотическое пространство забвения, в котором мыслитель подводил итоги всей своей жизни.

Объектом исследования являются письма о. Павла Флоренского, написанные им в период ссылки в 1934–1937 гг. и впервые изданные целиком в 4-м томе собрания сочинений автора в 1998 г., а также факты биографии писателя, связанные с его пребыванием на Большом Соловецком острове. Предмет исследования – формы и механизмы сопряжения пространства острова и мироощущения о. Павла Флоренского. Хотя интерес исследователей к творческому наследию автора достаточно высок, работы, посвященные его пребыванию на Соловках немногочисленны². Используемый в статье текстually-топологический подход к пониманию последних лет жизни о. Павла, как нам кажется, выполнен впервые.

Вообще, тема острова в жизни Флоренского была символична. В своей автобиографии, вспоминая детские годы, он сравнивает жизнь своей семьи с жизнью на уединенном, райском острове, отрезанном от «всего иного, ото всего, что могло бы возмутить гладь этого безоблачного существования» [1, с. 16]. В своих письмах о. Павел вспоминает, что острова были его детской мечтой, таинственной и преисполненной смысла. В этих мечтах пространство острова представлялось ограниченным: «Он должен был быть таким, чтобы с одного места можно было охватить разом всю береговую линию и ясно ощущать обособленность острова от материка» [4, с. 478], оно «уютно и интересно», на нем растут тропические растения, а приливы и отливы обнажают сокровища морского дна, собирать которые было пределом детских желаний. Значение острова заключается в возможности существования целого мира в ограниченной области, он обладает большой бытийной наполненностью, он *независим* от остального мира: «обособленная жизнь на острове представляет преимущество пред материковой, где неизбежна меньшая концентрированность всего дела, а следовательно – и менее конкретное вникание в частности его» [Там же, с. 411]. Такой взгляд на мир автор называет эллинским: «Не люблю безграничных пространств и безформенности, ищу великого, а не большого, а малое пространство легче воспринять, как великий мир, чем большое» [Там же, с. 501], т. е. миропониманием космическим, полисным, конечным, упорядоченным, замкнутым, сферическим. Мир должен быть оформлен, как композиция, т. е. предполагать в себе ограничение, пределы, порядок, начало и конец. Однако Соловки предстают для Флоренского иным образом, в них нет композиции, что проявляется даже на уровне визуализации: «Б. Соловецкий остров слишком велик, чтобы воспринимать его вполне ясно как остров. Кажется, тут даже нет точки, из которой была бы видна вся целиком береговая линия» [Там же, с. 412]. Остров совсем не уютен, а, напротив, дисгармоничен, бесформен, словно бы иллюзорен. Тако-

² Например, Столяров В. П., Флоренский П. В., Шутова Т. А. «Соловецкая география священника Павла Флоренского (1933–1937 гг.)», Едошина И. А., «Дальний Восток и Соловки в жизни священника Павла Флоренского и писателя Михаила Пришвина», Умнягин В. В. «Восприятие природы в воспоминаниях соловецких узников», Измайлова А. С. «Кузубай Герд и Павел Флоренский» и др.

вым было первое впечатление от острова, которое в дальнейшем лишь подтверждалось: «<...> здешняя природа, несмотря на виды, которые нельзя не назвать красивыми и своеобразными, меня отталкивает: море – не море, а что-то либо грязно белое, либо черносерое, камни все принесенные ледниками, горки, собственно холмы, наносные, из ледникового мусора, вообще все не коренное, а попавшее извне, включая сюда и людей. Эта случайность пейзажа, когда ее понимаешь, угнетает, словно находишься в засоренной комнате. Так же и люди; все соприкосновения с людьми случайны, поверхностны и не определяются какими-либо глубокими внутренними мотивами. Как кристаллические породы, из которых состоят валуны, интересны сами по себе, но становятся неинтересными в своей оторванности от коренных месторождений, так и здешние люди, сами по себе значительные и в среднем гораздо значительнее, чем живущие на свободе, неинтересны именно потому, что принесены со стороны, сегодня здесь, а завтра окажутся в другом месте» [Там же, с. 155, 156]. Это ощущение очень важно для о. Павла, который уделял геологии особое внимание (можно вспомнить о его детском восторге от изучения слоистых пород, его интерес к вечной мерзлоте), поскольку земная поверхность, образованная напластованиями слоев пород с разной плотностью или цветом, служила наглядным воплощением идеи пространства, имеющего разные уровни онтологической полноты. Остров лишен фундаментальности, основательности, его поверхность не есть само по себе сущее, она сформирована ледниковыми отложениями, представляет из себя остаточность, ненужность, случайность: «весь остров покрыт ледниковым мусором – валунами, осадочными глинами и т. д., <...> а я терпеть не могу этих ледниковых наносов, пришедших неведомо откуда и лишенных связи со своим первоисточником» [Там же, с. 148]. Уже в этом наблюдении Соловки вскрывают свою хаотичную (противоположную космосу и логосу) сущность, свою пустоту, энтропийность.

Природа острова предстает для автора чем-то «бессильным и невзрачным», это место, как и положено пространству на границе центра и периферии, лишено чего-либо определенного: «Соловки тем и отличаются, что лишены сурового величия Севера, первозданных скал, дикости, мрачности, но не обладают и жизнью юга: мягка, уныла, слабосильна природа, по существу не отличающаяся от московской, например, но более слабая, болезненная, безрадостная» [Там же, с. 226]. Погода капризная, остров часто скрыт туманами, дует холодный пронизывающий ветер (в своем эллинском мировосприятии Флоренский называет это место «Островом Ветров», «Гипербореум»). Отсутствует понятное и четкое разделение времен года: «Самая зима здесь – не зима, а слякоть, как и лето – не лето, а тоже слякоть, несколько более теплая, чем зимняя» [Там же, с. 315]. Из-за климата острова, не соответствующего данной широте, из-за несвойственной для них растительности (выращенной в Ботаническом саду), автор сравнивает остров с теплицей, где все время держится одна и та же температура. Нет и понятного различия времени суток: «ночью полусветло, днем полутемно» [там же, с. 267], постоянны сумерки из-за белых ночей, которые «сами по себе очаровательны, но и

их не чувствуешь изнутри» [Там же], а днем свет «жидкий», «прозрачный», «ненастоящий». Флоренский вспоминает, что во сне мы не видим яркого света, такой же неяркий, жемчужный свет наполняет остров, порождая ощущение сна, зыбкости происходящего. Это ощущение усиливается и от таких природных явлений, как северное сияние и особенно миражи – возникающие и исчезающие прямо в море берега, фиорды и даже здания, столь яркие, что сложно поверить в их призрачность. Атмосферные явления усугубляют подавленное состояние автора, переживание собственного бессилия, ощущение господства над миром некой иллюзии, обмана.

Казалось бы, природно-климатическая невыразительность этого места должна была компенсироваться его значительной духовной силой, но и здесь о. Павел обнаруживает какой-то изъян: «Не знаю почему, с детства я бессознательно не выносил Соловецкого монастыря, не хотел читать о нем, он казался мне неглубоким и несодержательным, несмотря на свое большое значение в истории. А теперь, попав сюда, я ощущаю глубокое равнодушие к этим древним стенам и постройкам, не осматриваю их, даже не побывал до сих пор в соборе, куда водят экскурсии и который считается местной достопримечательностью. Умом я хорошо понимаю несправедливость такого отношения, но все же оно остается и даже растет. Это первый раз в моей жизни, когда древность не вызывает во мне никакого волнения и влечения к себе» [Там же, с. 155]. Автор пишет о монастыре как о крепкой хозяйственной единице, лишенной сколь либо заметного духовного подвига: «Была большая распорядительность и умение, но смысла и цели что-то не видать» [Там же, с. 203]. Монастырь воспринимается им лишь как пространство организации техники. В лекциях о художественном пространстве, прочитанных во ВХУТЕМАСе, Флоренский описывает «предел воспостроения действительности» как такой, где вещь теряет собственную форму, беднеет, исчезает, уступая место чистому актуальному пространству, представляющемуся ему как действительность, сложенная из светоносного газа, облака света (в искусстве, по его мнению, близок к этому пределу Эль Греко). В концепции символизма Флоренского мир земной и мир горний взаимно обратны и воплощаются прямолинейно: «Все пространство мы можем представить себе *двойным*, <...> но переход от поверхности действительной к поверхности мнимой возможен только через *разлом* пространства и *выворачивание* тела через самого себя» [2, с. 51]. Так и в этом случае, в противоположность светоносному способу организации пространства Соловецкий монастырь предстает чрезмерно вещным, конкретным, избыточным: циклопические валуны его крепостных стен, бани и другие хозяйственные постройки вызывают у него буквальное отторжение, физиологическую неприязнь. Если и можно говорить о красоте этих древностей, то как о красоте «особого рода – безнадешной, унылой и призрачной» [4, с. 267].

Особым образом проявлено и островное пространство звуков. В ответ на вопрос из письма, почему он пишет лишь о соловецких цветах и формах, а не о звуках, Флоренский отвечает, что «здесь все беззвучно, как во сне. Это царство безмолвия. Конечно не буквально, всякого досадного шума более,

чем достаточно, и хочется скрыться куда-нибудь в тишину. Но не слышишь внутреннего звучания природы, не воспринимаешь внутреннего слова людей. Все скользит, как в театре теней, а звуки присоединяются извне, досадным придатком или шумом. Это очень трудно объяснить, почему ничто не звучит, почему нет музыки вещей и жизни, я и сам по-настоящему не пойму, но все же музыки нет. Лишь морской прибой (его приходится слышать очень редко) да завывания ветра не вполне вмещаются в такую характеристику Соловков... Поэтому мне и кажется, что отсутствие описания звуков само по себе описывает Соловки, и гораздо точнее, чем если бы начал говорить о звуках» [Там же, с. 526]. Самым запоминающимся звуком на острове был крик чаек, который он описывает как звуки «тревожные, не похожие на птичьи, какая-то смесь странных беспокойных звуков» [Там же, с. 267]. Подобно иным явлениям природы на Соловках, крики чаек также лишены подлинности: «Неистово кричат чайки, то по гусиному, то по утиному, то по курячьи, то по индюшачьи, то по павлиньи. Кто-то мне говорил, или читал я, что у чаек нет своих собственных криков и что они подражают звукам, которых слышали. По-видимому, это так» [Там же, с. 462]. Конечно, в эллинском мировосприятии автора истина манифестируется через связь Логоса и фонемы. В звуке стирается граница между говорящим, слушающим и самой речью; говорящий обнаруживает себя говорящим, когда воспринимающий слышит его. Через звук обнаруживается (рождается) и мир, и субъективность. Разрабатывая фундаментальную онтологию, Хайдеггер возвращается к досократовскому опыту бытия, в котором исток, начало всего требует не пристального всматривания, а остроты слуха, внемления миру, вслушивания в тишину, которые «сказываются» в своем безмолвии. Через эллинскую мифопоэтику Флоренский был причастен к пифагорейской «музыке сфер» и как русский философ выражал в своей мысли идею всеединства, явленного в том числе как гармонический мировой хор. Безмолвие острова можно трактовать двояко: и как невозможность быть причастным к этой гармонии, как пустое молчание, оглушенность, бессилие, и как близость Божественного, в котором отступает все условное, шумное, как полноту обладания всем, что упраздняет необходимость всякого звучания. Конечно, если сам о. Павел затруднился объяснить этот феномен, было бы наивным полагать, что это можем сделать мы, ограничимся лишь констатацией, что, переживая личную причастность к пространствам сверхприродной реальности, воспринимая мир натурфилософски, во всем его единстве, Флоренский так и не услышал «вызов» и «зов» этого места (если они там были).

Далее тема пространственной организации острова может быть осмыслена нами с позиции трехчленной структуры: внутреннее – граница – внешнее: «два мира – мир видимый и мир невидимый – соприкасаются. Однако, их взаимное различие так велико, что не может не встать вопрос о границе их соприкосновения. Она их разделяет, но она же их соединяет» [Там же, с. 419]. Отсюда возникает вопрос о понимании этой границы, который может быть рассмотрен и как вопрос о бытии, или онтологический, и как вопрос о знаке, или семиотический. В работе «Детям моим» Флоренский пишет:

«...родилось во мне понимание того, что пространственная разделенность может лишь только казаться и что, вопреки казанию внешнего опыта, может быть внутреннее единство – не объединенность, а именно единство» [1, с. 57]. Таким образом, островное положение, будучи отделенным от материкового внешне, образует с ним внутреннее единство. Остров выступает пограничным, пороговым пространством между землей и морем, бытием и небытием, внутренним и внешним, природой и экзистенцией. Остров представляет собой микрокосм – отдельный мир с присущим ему своеобразием, со своими уникальными чертами, локальность и изолированность которого дают нам возможность изучения тех явлений и процессов, которые в полной мере разворачиваются на «большой земле». И в то же время остров есть макрокосмос – весь мир может быть представлен как остров, ойкумена, обитель, пространство смыслов среди безграничного океана хаоса. Мифология Соловков во многом воспроизводит эту диалектику общего и частного, универсального и индивидуального: с одной стороны, как микрокосмос Соловки есть место для бегства из грешного мира с целью укрытия, духовного спасения или, например в советской истории, место социально-политического эксперимента, с которого и начался архипелаг ГУЛАГ («здесь власть не советская, а соловецкая»); с другой стороны, как макрокосмос в традиции монастырской колонизации Соловки – это обетованная земля, Новый Иерусалим, а в островной культуре коренных народов этих мест – центр загробного мира духов. Как лиминальное пространство остров предстает границей святого и грешного, знаками которого можно рассматривать многочисленные островные лабиринты, очевидно имеющие в язычестве сакральный характер. Так, в культуре русского Севера возникает представление об острове как особом пространстве на краю мира, где и свершатся предсказания Иоанна Богослова, падение Вавилона и утверждение Нового Иерусалима.

Эсхатологизм этого места особым образом отражается для автора и в восприятии времени: «Жизнь моя монотонна, день походит на другой, а точнее сказать, я утратил ритм дней и ночей и все время тянется одною непрерывною и непрерывающейся полосой» [4, с. 626]. В своих письмах Флоренский вспоминает шеллингианское различие понятий: *Geschichte* – «просто бывание (*Werden*), последование событий, не направленных в определенную сторону» и *Historie* – как такую последовательность событий, которые несут в себе след откровения божественного Абсолюта, где сочетаются в единстве дух и природа, субъект и объект, свобода и необходимость. Движение самопознающего Я от пассивного модуса к активному осуществляется через преодоление границ, т. е. как процесс, последовательность стадий: «не обретшее своего начала не обретет и своего конца» [5, с. 355]. Идея процессуальности, последовательности прохождения стадий движения в истории ставит перед нами вопрос о его отправной точке, о его движущих силах, о его направленности: «Не бывает подлинного начала без последования и движения вперед – естественная религия сама собою, и уже ввиду противоположности, влечет за собой религию откровенную» [Там же, с. 369]. Утрата жизненного ритма ощущается как выпадение из временного потока, как движение «среди безвоздушного пространства» [4, с. 219], как существование, заполненное мно-

жеством мелких дел, хлопот, суеты, которые при этом монотонны, безлики и осуществляются словно не самим субъектом, который как бы взирает на это делание со стороны: «чем-либо содержательным заниматься невозможно» [4, с. 143]. Он переживает невозможность завершить свои многочисленные наработки, несвоевременность своих идей, опередивших свое время на сто пятьдесят лет, в связи с чем констатирует: «Так вот, я живу в *Geschichte* в доисторическом времени...» [Там же, с. 627].

Это поистине гамлетовское переживание времени раскрывает еще одну особенность Соловков, как и всякого пространства-на-границе, которая заключается в его бытовании как пространства инициации, проверки. По мысли о. Павла, подлинная историчность жизни предполагает ее завершение как своего рода совпадение с ее началом. Именно так он воспринимал ссылку в Сковордино, пейзаж которого, природа, наполненность солнечным светом и близость дома к железной дороге напоминали ему кавказское детство. Это место было похоже для него на гомеровский Олимп, где «воздух лазурью разлит и повсюду тончайшим сияньем» [Там же, с. 47], что возносило его к античным небожителям. Иным образом ощущается им завершение жизни на Соловках, испытание которыми выразилось в видоизменении его мыслей и желаний, их воплощении во мнимости (т. е. обратном смысле), выставлении их в неприглядном виде. Флоренский пишет: «Уже давно пришел я к выводу, что наши желания в жизни осуществляются, но осуществляются и со слишком большим опозданием и в неузнаваемо-карикатурном виде... Ранее у меня была мечта жить в монастыре – живу в монастыре, но в Соловках. В детстве я бредил, как бы жить на острове, видеть приливы – отливы, возиться с водорослями. И вот я на острове, есть здесь и приливы – отливы, а м. б. скоро начну возиться и с водорослями. Но исполнение желаний такое, что не узнаешь своего желания, и тогда, когда желание уже прошло» [Там же, с. 138]. Так же, например, и с северным сиянием: то, что ранее представлялось чем-то значимым, особенным, прошло, не оставив в душе следа. Это карикатурное воплощение жизненных смыслов возводит ситуацию до уровня трагедии. Соловки не стали для Флоренского Итакой, а, напротив, породили переживание разрыва, оторванности, пустоты, обесмысленности последних дней его жизни. И в этом контексте пространственная разделенность острова материализует и внутренний разлад, подтверждая древнее, столь важное для Флоренского знание о целокупности мира и человека, их взаимном отражении друг в друге, их параллелизме.

В завершение работы мы можем выразить очевидную мысль о неразрывной связи идей и жизненных практик настоящего философа, о буквальном философствовании посредством бытования. Полагаем, что именно подобную интуицию переживал в себе о. Павел, с одной стороны, столь тонко чувствующий живой жизненный опыт, а с другой – вовлеченный в процесс постоянной рефлексии, расшифровки символов, знаков трансцендентного. Эта связь жизни и идей была рассмотрена нами через осмысление опыта его пребывания на Большом Соловецком острове, где завершился его земной путь. Стоит сказать, что трагедия последних дней хоть в некоторой степени

смягчалась переживанием Флоренским единства и целостности самого себя со своей семьей и всем родом, его ощущением «вправленности в паз времени» [4, с. 508], свершения порядка, гармонии, которые есть знак вечности и искупления. Проблематика «островной онтологии», затронутая в настоящей работе (организация пространства Соловков, бытие на границе, соотношение микро- и макрокосмоса, значение острова как места инициации), выводит нас на масштабную тему для исследования, которую, следуя традиции, можно обозначить как «Соловецкий текст русской культуры». Данное исследование таит в себе несметные богатства, которые еще ждут своих колумбов.

Список литературы

1. Флоренский П. А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М. : Моск. рабочий, 1992. 592 с.
2. Флоренский П. А. Мнимости в геометрии. М. : Лазурь, 1991. 96 с.
3. Флоренский П. А. Сочинения. В 4 т. Т. 2 / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачева. М. : Мысль, 1996. 878 с.
4. Флоренский П. А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. Письма с Дальнего Востока и Соловков / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой. М. : Мысль, 1998. 795 с.
5. Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения. В 2 т. Т. 2 : пер. с нем. М. : Мысль, 1989. 636 с.

References

1. Florensky P.A. *Detyam moim. Vospominaniya proshlykh dney. Genealogicheskiye issledovaniya. Iz solovetskikh pisem. Zaveshchaniye* [To my children. Memories of days gone by. Genealogical research. From the Solovetsky letters. Testament]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1992, 592 p. (in Russian)
2. Florensky P.A. *Mnimosti v geometrii* [Imaginations in Geometry]. Moscow, Lazur Publ., 1991, 96 p. (in Russian)
3. Florensky P.A. *Sochineniya. V 4 t. T. 2* [Essays. In 4 Vols. Vol. 2] / Comp. and general ed. Abbot Andronicus (A.S. Trubacheva), P.V. Florensky, M.S. Trubacheva. Moscow, Mysl Publ., 1996, 878 p. (in Russian)
4. Florensky, P.A. *Sochineniya. V 4 t. T. 4. Pis'ma s Dalnego Vostoka i Solovkov* [Essays. In 4 vols. Vol. 4. Letters from the Far East and Solovki] / Comp. and general ed. hegumen Andronik (A. S. Trubacheva), P. V. Florensky, M. S. Trubacheva. Moscow, Mysl Publ., 1998, 795 p. (in Russian).
5. Schelling F.V.J. *Sochineniya V 2 t. T. 2* [Essays. In 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Mysl Publ., 1989, 636 p.

Сведения об авторе

Куликов Михаил Вячеславович
кандидат философских наук, доцент,
кафедра гуманитарных, социально-
экономических дисциплин и информационных
технологий управления
Кузбасский институт ФСИН России
Российская Федерация, 654056,
г. Новокузнецк, просп. Октябрьский, 49
e-mail: philosophy_mk@mail.ru
ORCID 0009-0004-1984-0760

Information about the author

Kulikov Mikhail Vyacheslavovitch
Candidate of Sciences (Philosophy), Associate
Professor, Department of Humanities, Social
and Economic Disciplines and Information
Management Technologies
Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia
49, Oktyabrsky ave., Novokuznetsk, 654056,
Russian Federation
e-mail: philosophy_mk@mail.ru
ORCID 0009-0004-1984-0760